

- 27 Какурин Н. Е. Указ. соч. С. 98–99.
28 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 76. Л. 152.
29 Там же. Оп. 84. Д. 12. Л. 21–23 об.
30 Там же. Оп. 65. Д. 12. Л. 25.
31 Там же.

А. Л. Кубасов
Вологда

Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и оппозиционные политические партии на европейском Севере России (1918–1922 гг.)

В конце 1917 – начале 1918 гг. в России развернулась острейшая политическая борьба между большевиками и их политическими противниками из числа социалистических партий – правыми эсерами, народными социалистами, меньшевиками. Точками преломления стали два основных вопроса: отношение к продолжению войны с Германией и признание правомочности всенародно избранного Учредительного Собрания. Ни та, ни другая сторона не хотела уступать, не была готова к компромиссам и соглашениям.

На выборах в Учредительное собрание победили эсеры. Кандидаты от РСДРП(б) получили лишь 25 % голосов. В северных губерниях эсеров поддерживала основная масса крестьянства. Депутатами стали, в частности, член ЦК ПСР, председатель её Вологодского комитета С. С. Маслов и один из лидеров партии, бывший личный секретарь А. Ф. Керенского П. А. Сорокин. Успех сопутствовал также энесам. Так, от соседней с Вологодской Вятской губернии в Учредительное собрание прошел член ЦК Трудовой народно-социалистической партии Н. В. Чайковский, ставший впоследствии одним из вождей антисоветского движения на Севере России.

Правые эсеры, народные социалисты и меньшевики, имевшие перевес в Учредительном собрании, полагали, что только оно вправе определить форму государственного устройства России. По иному думали большевики. Потерпев поражение на избирательных участках, они взяли курс на подготовку к роспуску созываемого всероссийского форума. Началась кампания по его дискредитации. Возглавлявшийся коммунистами ВЦИК заявил, что Учредительное собрание – «крепость богатых против бедных», «оплот имущих классов против рабочей и крестьянской власти», что к лозунгу «Вся власть Учредительному собранию!» присоединились «все без исключения контрреволюционные элементы»¹. В ночь с 6(19) на 7(20) января 1918 г. ВЦИК по докладу В. И. Ленина принял декрет о роспуске Учредительного собрания². Разгон Учредительного собрания стал прологом гражданской войны в России. Исчезла последняя возможность добиться единства партий социалистической ориентации.

В марте – апреле 1918 г. из Петрограда борьба стала перемещаться в Москву и регионы страны. Депутаты разогнанного Учредительного собрания, представ-

лявшие оппозиционные партии, разъехались в разные концы России. П. А. Сорокин и Н. В. Чайковский уехали в Москву, М. А. Лихач — в Архангельск, С. С. Маслов — в Вологду. На Севере, также как и в Поволжье и на Урале, вокруг членов Учредительного собрания начали группироваться силы, не согласные с большевиками и готовые вступить с ними в бой.

Весной 1918 г. на Севере противники большевиков, объединившиеся в Союз возрождения России, заручившись поддержкой представителей стран Антанты, приступили к подготовке вооруженных выступлений для свержения Советской власти.

В. И. Ленин и его сподвижники действия «буржуазных» и «мелкобуржуазных» политических партий, направленные на оказание сопротивления большевистской политике, оценивали как «контрреволюцию». Для ее подавления были созданы ВЧК и её органы на местах.

Назначение Всероссийской чрезвычайной комиссии было закреплено в самом ее названии. Между тем, ни в постановлениях СНК о создании ВЧК от 7 (20) декабря 1917 г. и «О точном разграничении функций существующих учреждений розыска и пресечения, следствия и суда» от 31 января 1918 г., ни в принятом ВЦИК 28 октября 1918 г. «Положении о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях», содержание понятия «контрреволюция» не раскрывалось.

До октября 1917 г. понятие «контрреволюция» разрабатывалось в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Классики марксизма-ленинизма понимали под «контрреволюцией» реакцию «эксплуататорских классов» на социальную революцию, предпринимаемые ими попытки сохранить или реставрировать «отживший общественный и государственный строй».

Конкретные указания на то, какие политические силы и слои общества относились к «лагерю контрреволюции», содержались в дореволюционных выступлениях и трудах В. И. Ленина.

В июле 1905 г. в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. И. Ленин писал: «Против революции стоит двор, полиция, чиновничество, войско, горстка высшей знати». Буржуазия, по его оценке, в тот момент поддерживала революцию, но «как только удовлетворятся её узкие, корыстные интересы», она неизбежно повернет «на сторону контрреволюции, на сторону самодержавия, против народа»³.

После свержения в феврале 1917 г. царизма В. И. Ленин, рассматривая в новых исторических условиях соотношение сил революции и контрреволюции, указывал в газете «Правда»: «Буржуазия — это и есть контрреволюция. Она прячется от народа, она устраивает настоящие контрреволюционные заговоры против народа»⁴. В августе 1917 г. в статье «Политическое положение (Четыре тезиса)», опубликованной в газете «Пролетарское дело», В. И. Ленин выделил три главные силы контрреволюции: 1) партию кадетов; 2) «генеральный штаб и командные верхи армии»; 3) «черносотенную и буржуазную прессу». Здесь же он писал о том, что эсеры и меньшевики «предали дело революции», превратив свои партии в «фиговый листок контрреволюции»⁵.

После победы Октябрьской революции перечень контрреволюционных сил определялся в выступлениях и статьях руководителей ВЦИК и СНК, в декретах и постановлениях высших органов государственной власти и государственного управления.

Уже 27 октября (9 ноября) 1917 г. СНК принял декрет о печати⁶, предусматривавший запретительные меры против «контрреволюционной» прессы «различных оттенков». Закрытию подлежали газеты, призывавшие к открытому сопротивлению или неповиновению Советскому правительству, сеявшие «смуту путем явно клеветнического извращения фактов», подстрекавшие к деяниям уголовного характера.

28 ноября (11 декабря) 1917 г. Совнарком объявил «партией врагов народа» конституционных демократов⁷. 3 декабря «Известия ЦИК» опубликовали резолюцию ВЦИК, в которой говорилось о необходимости «...самой решительной борьбы с буржуазной контрреволюцией, возглавляемой кадетской партией»⁸.

В декабре 1917 г., после поражения большевиков на выборах в Учредительное собрание, возглавлявшийся ими ВЦИК причислил к лагерю «замаскированной контрреволюции» социалистические партии — меньшевиков и правых эсеров⁹.

3 (16) января 1918 г. ВЦИК принял постановление, по которому как «контрреволюционное действие» рассматривалась «...всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти»¹⁰. Вслед за этим, вождями контрреволюции были объявлены генералы А. И. Дутов, А. М. Каледин и Л. Г. Корнилов, возглавившие вооруженные восстания против Советской власти.

Таким образом, к «внутренней контрреволюции» причислялись политические деятели, партии, организации и движения, в тех или иных формах выступавшие против «диктатуры пролетариата». Целые слои населения — буржуазия, «буржуазная» интеллигенция, зажиточное крестьянство и т. д. объявлялись «социальной базой контрреволюции». В ходу были термины «буржуазная контрреволюция», «мелкобуржуазная контрреволюция» и т. п. Под «внешней контрреволюцией» подразумевались иностранные капиталисты, правящие круги «буржуазных» государств, их разведки, осуществлявшие враждебную деятельность против Советской власти. Под борьбой с контрреволюцией понималась защита «пролетарского» государства от внешних и внутренних «классовых» врагов, подавление сопротивления «эксплуататорских» классов.

Первоначально партии большевиков удалось привлечь на свою сторону левых эсеров и анархистов. На Севере установление Советской власти поддержали председатель региональной федерации анархистов А. Федоров, анархистские группы, действовавшие в г. Кириллове (Новгородской, а с апреля 1918 г. — Череповецкой губернии) и на Мурманской железной дороге, лидер Петрозаводской организации левых эсеров И. Балашев, левоэсеровский комитет в г. Тотьме Вологодской губернии¹¹. Но данный политический союз сохранялся недолго.

Уже весной 1918 г. обострились отношения большевиков с анархистами, которые считали необязательными для себя многие решения Советской власти, предпринимали самочинные обыски, аресты и конфискации. В ответ на это к ним применялись репрессивные меры.

После разоружения в ночь с 11 на 12 апреля 1918 г. анархистских групп в Москве по предписанию губисполкома аналогичная операция была проведена в г. Вологде. Руководил ею заместитель председателя губисполкома, в дальнейшем — председатель губернской ЧК П. Н. Александров. В ночь с 14 на 15 апреля входивший в состав гарнизона отряд латышских стрелков окружил гостиницу «Золотой якорь», где размещались штаб и общежитие Северной федерации

анархистов-коммунистов, произвел там обыск, изъял хранившееся оружие, арестовал 14 членов федерации.

На состоявшемся вслед за этим собрании анархисты обвинили большевиков в узурпации власти, измене делу революции и отозвали своих представителей из всех советских учреждений. Газета «Грядущее» опубликовала статью председателя Северной федерации анархистов А. Федорова с протестом против действий властей. От имени своих товарищей он писал: «Рассмотрев текущий момент, анархисты Северной федерации пришли к убеждению, что настоящая советская власть не является властью рабочих и крестьян, а есть не что иное, как диктатура партии большевиков, которые объявили неудержимый террор и тем самым парализовали всю политическую и экономическую жизнь страны. Поддерживать большевиков мы не можем, ибо власть скомпрометировала себя настолько, что ни один анархист не в состоянии иметь ничего общего с бывшими друзьями, ныне ставшими предателями»¹².

Реакцией на статью в газете стало возбуждение следственной комиссией при ревтрибунале уголовного дела по обвинению А. Федорова в агитации против Советской власти. Лидер анархистов бежал из города. Газета «Грядущее» была запрещена. Федерация распалась. Ревтрибунал передал дело в губчека. Розыск Федорова продолжался до ноября, когда дело на него было прекращено в связи с амнистией¹³.

В июне 1918 г. в Архангельске чекисты приняли меры против правых эсеров и меньшевиков, выражавших несогласие с роспуском городской думы. Более 40 активистов этих партий по приказу председателя Советской ревизии М. С. Кедрова были арестованы по обвинению в контрреволюционной деятельности. Ликвидация думы сопровождалась запрещением оппозиционных газет «Вольное слово», «Наше дело», «Северный луч»¹⁴.

В Вологде чрезвычайная комиссия арестовала председателя городской думы правого эсера И. П. Ганабудского и члена президиума Д. И. Деларова, а также выступивших в её поддержку меньшевиков группы «Единство» Ф. И. Ломакина и А. А. Дроздову¹⁵. Заместитель председателя губисполкома П. Н. Александров отдал ЧК распоряжение о розыске и аресте за агитацию против Советской власти редактора меньшевистской газеты «Северная заря» В. Н. Трапезникова, протестовавшего против роспуска думы. 21 июня Вологодская губчека постановила подвергнуть заключению в тюрьму сроком на один месяц за «напечатание контрреволюционных резолюций городской думы» редактора «Вологодского листка» Н. А. Галкина. Газета была закрыта¹⁶.

В июле 1918 г., после подавления мятежа в Москве, СНК отнес к числу контрреволюционных партию левых эсеров¹⁷. Началось изгнание ее членов из советских органов и чрезвычайных комиссий. Так, в Петрозаводске по решению окружного комитета РКП(б) левых эсеров, имевших большинство в губернском совете и губисполкоме, изгнали из органов власти. Губисполком был преобразован в ревком. Возглавил его коммунист Анохин. Местная ЧК провела обыски в помещениях губкома ПЛСР и на квартирах его членов и изъяла имевшееся у них огнестрельное оружие¹⁸. В июле — августе левые эсеры, не заявившие публично об отречении от своего Центрального Комитета, были изгнаны из советов в других городах региона. Вся полнота политической власти в северных губерниях все более сосредотачивалась в руках одной партии — большевиков.

Таким образом, в ноябре 1917 — июле 1918 гг. в регионе происходил процесс поляризации политических сил. С одной стороны, укрепляли свои позиции большевики, постепенно завоевывавшие решающие позиции в советских органах власти и управления, с другой, сформировался политический блок внутренних и внешних противников РКП(б).

Кульминацией противоборства непримиримых политических сил стало 2 августа 1918 г. В этот день в Архангельске вспыхнуло антисоветское восстание, поддержанное интервенционистскими силами стран Антанты.

В августе — сентябре 1918 г. отношение коммунистов к представителям других партий стало еще более настороженным. Причины этого крылись в получении данных, свидетельствовавших об участии лидеров социалистов в заговорах против Советской власти. Так, при выяснении обстоятельств мятежа в Архангельске и в ходе следствия о подготовке «Союзом возрождения» вооруженного выступления в Вологде оказалось, что костяк действовавших в регионе подпольных антисоветских организаций составляли активисты правых эсеров и народных социалистов. Представители этих партий вошли в состав антибольшевистского правительства Северной области.

3 августа комиссар печати Союза коммун Северной области Н. Кузьмин направил в губернские исполнительные комитеты телеграмму, предписывавшую «...закрывать немедленно все буржуазные газеты до особого распоряжения»¹⁹. После этого на местах печатались лишь официальные партийно-советские издания. При выпуске очередного номера редакторы в обязательном порядке направляли его экземпляры в бюро печати губисполкома и губчека²⁰.

12 сентября газета «Северная Коммуна» опубликовала подписанные председателем Совета комиссаров Союза коммун Северной области Г. Зиновьевым «Правила об обществах и собраниях». Ими предусматривалась обязательная регистрация в советах всех политических, экономических, художественных и религиозных обществ с предоставлением уставов, списков имен и адресов их членов. Их руководители были обязаны не позднее чем за три дня сообщить властям обо всех предстоявших собраниях и заседаниях. Не выполнившие эти условия объявлялись контрреволюционерами и подлежали преследованию²¹.

После убийства 30 августа 1918 г. М. С. Урицкого и покушения на В. И. Ленина ВЧК направила в губернские ЧК телеграмму, требовавшую: «Арестовать всех видных меньшевиков и правых эсеров и заключить в тюрьму»²².

В г. Великом Устюге председатель Чрезвычайного революционного штаба Северо-Двинской губернии приказал следственной комиссии при ревтрибунале «в срочном порядке произвести предварительное следствие по контрреволюционной деятельности граждан: Городецкого, П. Сорокина, учителя Рязанова и директора Барышева и, если нужно, подвергнуть их аресту»²³. Им в вину вменялась агитация против роспуска городской думы. После этого П. А. Сорокин покинул город и на протяжении двух с половиной месяцев прятался у жителей окрестных сел. Бежать и в последующем скрываться от ареста вынужден был обвиненный в агитации против Советской власти редактор местной меньшевистской газеты «Волна» П. Н. Зепалов. Его отца Северо-Двинская ЧК арестовала и заключила в тюрьму в качестве заложника. В октябре 1918 г. П. Н. Зепалов был арестован и вскоре расстрелян чекистами²⁴.

С наступлением зимы П. А. Сорокин добровольно явился в губернскую ЧК. Произошло это после неудачной попытки группы его сторонников пробраться в Архангельск. В их числе заградительный отряд задержал и казнил брата П. Сорокина Василия. Питирим Сорокин содержался в городской тюрьме. После публичного отказа от политической деятельности и появления по этому поводу статьи В. И. Ленина в газете «Правда» он был этапирован в Москву в распоряжение ВЧК, а затем выпущен на свободу²⁵.

До марта 1919 г. Вологодской губчека разыскивался меньшевик В. Н. Трапезников. Дело было прекращено после обращения его жены лично к В. И. Ленину с просьбой не преследовать мужа²⁶.

После того, как 17 сентября 1918 г. Центральное бюро ПЛСР поставило задачу усилить борьбу против большевиков путем организации заговоров и восстаний, а также проведения террора, усилились репрессии против левых эсеров²⁷. Показательна в этом отношении судьба левоэсеровской организации в г. Тотьме Вологодской губернии. 26 сентября 1918 г. Тотемский уездный комитет РКП(б) рассмотрел вопрос о «принятии мер против левых эсеров». Комитет принял постановление: «Левые эсеры тотемской группы продолжают иметь отношения со своим центральным комитетом, который призывает к открытой борьбе против коммунистов, против Советской власти. Это является преступлением, и лица, имеющие к нему отношение, подлежат немедленному задержанию. Комитет просит председателя ЧК сего же числа произвести арест члена тотемской группы А. Помазова, проведя в его квартире обыск. Также произвести обыски у членов партии левых эсеров Л. Григ, Андреева, Смолина, Божкова, не подвергая последних аресту, при условии, если при обыске улики в их сношении с центральным комитетом получено не будет»²⁸.

27 сентября, заслушав доклад о результатах обысков, уком РКП(б) постановил: «А. Помазова считать за Чрезвычайной комиссией. Андреева, Божкова и Смолина освободить»²⁹. После этого левоэсеровская организация в Тотьме прекратила свою работу. Вскоре местные эсеры объявили о своем выходе из партии.

В сентябре 1918 г. Яренская группа РКП(б) и учрежденная незадолго до этого уездная ЧК предъявили обвинения в принадлежности к эсерам и бездеятельности руководителям исполкома местного совета. Были арестованы председатель исполнительного комитета Д. М. Козлов, комиссар продовольствия Митрошин, финансов — Соколов и др. Их места заняли коммунисты, до этого в исполком не входившие. «Это было Яренской Октябрьской революцией»³⁰, — писала о случившемся местная газета «Известия Яренского уездного Совета».

Начиная с осени 1918 г. в чрезвычайных комиссиях при ведении предварительного расследования установилась практика, согласно которой наиболее важные дела, в первую очередь касавшиеся политических противников большевиков — правых эсеров, кадетов, меньшевиков, брались под контроль комитетами РКП(б). Губернские ЧК докладывали в партийные инстанции о ходе расследования, согласовывали с ними свои решения об арестах, обысках и других действиях.

В соответствии с приказом ВЧК № 61 от 4 октября 1918 г. руководители и видные члены правых эсеров, кадетов, меньшевиков, буржуазных обществ и объединений, контрреволюционные офицеры, лица из «других групп буржуазного

класса», представлявшие «действительную ценность для белогвардейцев», подлежали задержанию в качестве заложников³¹.

В результате репрессивных мер партийные комитеты некогда влиятельных на территории северных губерний организаций правых эсеров, народных социалистов и меньшевиков прекратили своё существование. Их руководители, оставшиеся к тому моменту в районах, контролируемых советскими войсками, вынуждены были скрываться либо, подобно П. А. Сорокину и В. Н. Трапезникову, заявить об отказе от участия в политической деятельности. Первичные организации распались или ушли в подполье. Та же участь постигла левых эсеров и анархистов.

Весной 1919 г. в связи с наступлением войск Колчака и ввиду угрозы антисоветских восстаний в тылу Красной Армии ВЧК вновь направила на места распоряжение брать активных деятелей партий правых эсеров, меньшевиков и левых эсеров в заложники³².

30 ноября 1918 г. ВЦИК допустил легальное существование лояльных к Советской власти партийных организаций меньшевиков, а 26 февраля 1919 г. — эсеров³³. Но возможности реально влиять на события они не имели. Это был временный компромисс, действие которого ограничивалось в основном столичными городами. На Севере, большая часть территории которого входила в прифронтовую полосу или составляла ближайший тыл Красной Армии, отдельные попытки заявить о себе со стороны наиболее стойких представителей антибольшевистских партий, будь то организованная в январе 1919 г. эсерами забастовка железнодорожников на северной железной дороге или создание анархистами коммуны вблизи Вологды, немедленно подавлялись. За бывшими активистами оппозиционных партий и групп осуществлялся негласный надзор. При малейших подозрениях в проведении враждебной деятельности их арестовывали.

В отчете в ВЧК о работе за 1919 г. председатель Северо-Двинской губчека Иванов сообщал: «С ноября месяца ведется регистрация на карточки лиц, принадлежавших к враждебным партиям (теперь в губернии организаций, как таковых не существует)»³⁴. В сводке о положении в губернии за период с 15 декабря 1919 г. по 15 января 1920 г., подготовленной Вологодской ЧК, говорилось: «Организаций не обнаружено, за отдельными членами установлено наблюдение»³⁵.

В январе 1920 г. в Вологде по указанию ВЧК были задержаны 24 бывших эсера. В местах их проживания чекисты произвели обыски. Особое внимание обращалось на выявление возможных связей с партийными центрами в Москве и Петрограде. В этих целях тщательно изучалась вся захваченная переписка³⁶.

В феврале 1920 г. после 4-й Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий надзор за оппозиционными партиями был закреплен в ведомственных нормативных актах ВЧК как непосредственная, основная задача органов борьбы с контрреволюцией. Ее решение вменялось уполномоченным по политическим партиям следственно-розыскных частей губчека. В их обязанности входило выяснение личного состава, установление словесных портретов, адресов и регистрация по карточной системе членов местных отделений партий, выяснение состояния внутрипартийной жизни, влияние на их эволюцию в направлении раскола³⁷.

В марте – апреле 1920 г. после освобождения Архангельской губернии от белых сотрудники группы уполномоченного губчека по «антисоветским правым и левым партиям и духовенству» составили списки и взяли на учет лиц, ранее входивших в организации кадетов, меньшевиков и правых эсеров. Их оказалось

соответственно 63, 51 и 31 человек. «Согласно спискам, — докладывал в годовом отчете председатель ЧК Т. Смирнов, — была произведена фильтрация, проведены обыски и сделаны аресты»³⁸.

Весной 1920 г. в Вологде анархисты А. Д. Федоров, Н. А. Солнцев и М. П. Сучков организовали подпольную типографию, в которой приступили к печатанию анархистских воззваний и газеты «Борьба». Вскоре чекисты обнаружили помещение, в котором работала типография. При обыске у анархистов изъяли шрифт, печатный станок, большое количество готовой печатной продукции. Федоров и его товарищи были арестованы и по постановлению коллегии губернской ЧК направлены до окончания гражданской войны в концентрационный лагерь³⁹.

17 июня 1920 г. ВЧК потребовала от губернских ЧК «уделить самое усиленное внимание <...> антисоветским партиям, которые должны быть обезврежены и сведены на нет»⁴⁰.

В июне 1920 г. председатель Вологодской губчека докладывал в ВЧК:

«Политические партии и группы. 1) *Эсеры правые*. (Здесь и далее курсив наш. — А. К.) Организованной эсеровской группы как таковой в губернии не существует. Имеются отдельные личности. Из видных: Новиков Константин Андреевич, Деларовы Дмитрий Иванович и Елизавета Петровна, Бессонов Сергей, Огородников Александр Григорьевич, Звонков. Все они в различное время привлекались чрезвычайной комиссией, но за недостатком улики дела о них прекращались. В настоящее время они открытой деятельности не проявляют. Их отношение к Коммунистической партии выжидательное. 2) *Эсеры правые меньшинство*. Правоэсеровская группа, легализованная Губисполкомом. Распространяет партийную литературу. Прочей компрометирующей группу работы не замечается. Во главе группы стоит Панкратов Михаил Павлович⁴¹. Меры к выяснению личного состава группы и её деятельности со стороны ЧК принимаются. 3) *Эсеры левые*. Леоэсеровской группы в губернии не имеется. 4) *Меньшевики* некоторую активность проявляют на собраниях профсоюзов. Наиболее видные из них: Долгова, Муравин, Савин, Коновалов и Студеницкая. 5) *Анархисты*. После разгрома местной анархистской организации всякая деятельность среди них заглохла»⁴².

Когда летом 1920 г. в Вологодских железнодорожных мастерских начала деятельность организация эсеров группы «Народ», возглавляемая М. П. Панкратовым, Вологодская губчека и ОРТЧК ст. Вологда установили за ними наблюдение. 20 октября руководители организации были вызваны в транспортную ЧК и подвергнуты допросу. Им в вину вменялось проведение нелегальных заседаний, внесение на собрании трудящихся предложения при выборах в городской Совет провести тайное голосование, агитация за уменьшение количества сверхурочных работ⁴³. Затем сподвижники Панкратова были арестованы⁴⁴.

В августе 1920 г. Вологодская губернская ЧК сообщила ВЧК о ликвидации в Вельском уезде «антисоветской» организации «Союз хлеборобов». В направленной в центр информационной сводке говорилось: «Послано распоряжение Вельскому политбюро об аресте организаторов Союза, каковыми являются: член уисполкома Н. П. Леонтьевский, И. П. Павлов, И. С. Шутов, В. В. Дмитриевский и С. Е. Куликов. Союз никаких культурных ценностей не преследует. Там есть определенное стремление крестьян, главным образом зажиточных, сделать его щитом против всякого рода реквизиций, налогов и прочих мероприятий Советской власти. Чрезвычайной комиссией по этому делу ведется следствие»⁴⁵.

Осенью 1920 – весной 1921 г. в обстановке острого политического и экономического кризиса оппозиция вновь оживила свою деятельность. В северном регионе в городах Вологде, Великом Устюге, Тотьме бывшие меньшевики и эсеры, выступая под флагом беспартийных делегатов, критиковали большевиков в ходе проведения профсоюзных и кооперативных конференций, призывали не голосовать при выборах в Советы за вносимые комитетами РКП(б) списки⁴⁶.

Активизация антибольшевистских сил поставила перед руководством РКП(б) вопрос о необходимости усиления работы по получению своевременной и достоверной информации о реальном положении дел в стране, сохранения контроля за обстановкой. В ноябре 1920 г. ВЧК направила на места циркуляр «О единой системе ведения дел антисоветских партий», требовавший от губернских ЧК предоставить данные в отношении всех активных членов оппозиционных партий⁴⁷. 28 февраля 1921 г. ВЧК дала указание губчека «в самый короткий срок разбить аппарат антисоветских партий»⁴⁸.

Как показывает изучение докладов в ВЧК губернских и транспортных ЧК северного региона, начиная с марта 1921 г. чекисты ужесточили надзор за бывшими активистами эсеров, меньшевиков, кадетов и других «противосоветских» партий. Особое внимание обращалось на тех из них, кто работал в Архангельском отделении Внешторга, Северолесе, в местных органах Наркомзема и в Союзах кооперации. Губчека затребовали из этих организаций списки служащих с указанием их политического прошлого. На сотрудников, когда-либо входивших в составы оппозиционных партий и групп, заводились специальные карточки-формуляры⁴⁹.

Губернские ЧК внимательно следили за ходом выборной кампании в Советы, профсоюзы, кооперативные органы, куда весной–летом 1921 г. нередко избирались лица, негативно настроенные к большевистской власти, бывшие меньшевики и эсеры. За ними велось наблюдение, производились аресты. Так, когда в мае в г. Тотьме Вологодской губернии в результате выборов в правление районного Союза кооперативов большинство мест в нем получили бывшие эсеры, местное политбюро провело их аресты. Освободившиеся в результате этого вакансии заняли коммунисты⁵⁰.

28 мая 1921 г. начальник Секретно-Оперативного Управления ВЧК В. Р. Менжинский и помощник начальника Управления А. Х. Артузов направили на места телеграмму, ориентировавшую губчека на борьбу с эсерами и меньшевиками, выступавшими «...не под своим флагом, а под флагом беспартийных». Секретно-оперативные отделы ЧК были обязаны: «Первое, на всех собраниях, митингах, конференциях, сборищах иметь свою <...> разведку, которой поручить следить и брать на учет всех выступающих, вносящих эсеровские и меньшевистские резолюции и предложения, производящих такие же выкрики. Второе, <...> заранее иметь учет всех съездов, митингов, сборищ и т. п., для чего договариваться с соответствующими учреждениями. Третье, у особо подозрительных личностей производить обыски, выемки для обнаружения документов их партпринадлежности <...>. Четвертое, прежде производства обыска пытаться влить осведомителей в среду подозрительных личностей. Пятое, при установлении той или иной партийности лиц, прикрывающихся беспартийностью, разоблачить в местной прессе, при чем указывать на подлое прошлое этих партий. Шестое, при установлении таких случаев каждый раз сообщать в ВЧК»⁵¹.

30 мая 1921 г. в губернские комитеты РКП(б) и губчека была послана телеграмма, подписанная секретарем ЦК РКП(б) В. М. Молотовым, заместителем председателя ВЧК И. С. Уншлихтом и начальником Секретно-Оперативного Управления ВЧК В. Р. Менжинским, требовавшая «предотвратить захват врагами трудящихся кооперации». Перед чекистами ставилась задача «очистки кооперации от засилья эсеров и меньшевиков», «установления тщательного контроля за деятельностью эсеров и меньшевиков, занимавших ответственные должности»⁵².

В июле 1921 г. в ВЧК поступили сведения об оживлении работы эсеров, в частности, о деятельности подпольного Центрального организационного бюро Партии социалистов-революционеров. Вскоре чекисты получили информацию о том, что в Москве под прикрытием съезда сельскохозяйственной кооперации состоялся Десятый совет ПСР, который избрал новый состав ЦК и Оргбюро партии. В связи с этим была проведена тщательная проверка всех делегатов съезда⁵³. В частности, Архангельская ЧК установила, что из губернии на съезд выезжал сотрудник губземотдела Морозов. По возвращению в город он был вызван в чрезвычайную комиссию, где его опросили о состоявшейся поездке. Для проверки Морозова, подозревавшегося в принадлежности к эсеровскому центру, за ним осуществлялось наблюдение⁵⁴.

Ход и результаты работы губернских ЧК по политпартиям регулярно докладывались губернским комитетам РКП(б). Так, 19 сентября 1921 г. председатель Череповецкой ЧК Морозов, выступая на собрании губпартактива РКП(б), подвел итоги деятельности комиссии в этом направлении следующим образом: «*Эсеровская партия*. (Здесь и далее курсив наш. – А. К.). В 17–18 гг. в Череповецком уезде была сильна тем, что члены её были во всех волостях. Работала эта партия энергично, но потом была снята головка. Если есть прежние эсеры, то они сидят в тюрьме, как например, Еремеев. *Меньшевики*. Лидер был Добряков, секретарь — Езерский. Число их доходило до 30–35 ч. Организация эта разбита вдребезги. *Анархистов* в губернии почти нет. Работу раньше они вели в клубах. *Кадетской работы* в губернии не замечается. Отдельные личности появляются, например профессор Закусеев в Тихвине, который там увлек молодежь и за это был изолирован...»⁵⁵.

Аналогичное положение сложилось к этому времени и в других северных губерниях.

В конце 1921 г. Секретно-оперативное управление ВЧК издало «Справочник № 1 по антисоветским партиям». Он был составлен на основе данных, полученных от губернских ЧК. В нем помещались сведения на остававшихся на свободе активистов оппозиционных партий. Так, по Архангельской губернии список «политических противников», как они именовались в предисловии к документу, составил 32 человека (5 бывших анархистов и 27 эсеров). Все они состояли на центральном учете. Об их перемещениях по стране губчека обязаны были немедленно сообщать в ВЧК и чрезвычайные комиссии тех районов, куда они выезжали или планировали выехать⁵⁶.

В 1921–1922 гг. органы ВЧК нанесли завершающие удары по некогда крупнейшим партиям России. Многие члены местных комитетов публично заявили о выходе из партии и прекращении политической деятельности, остальные ушли в глубокое подполье. В середине 1922 г. в Москве в Верховном Суде РСФСР состоялся процесс над 34 членами ЦК партии социалистов-революционеров, обви-

нявшихся в антисоветской деятельности⁵⁷. Ряд видных меньшевиков и правых эсеров, в числе которых был и П. А. Сорокин, Советское правительство выслало за пределы страны. В 1923 г. бывшие эсеры и меньшевики созвали в Москве съезды, где заявили о самороспуске своих партийных организаций⁵⁸. К этому времени данные акты являлись уже простой формальностью.

Но и после этого чекисты на протяжении полутора десятилетий осуществляли оперативный контроль за активистами разбитых ими «буржуазных» и «мелкобуржуазных» партий. Так, в Вологодском управлении ГПУ–ОГПУ–НКВД дело по эсерам велось до 1938 г. и составило 20 томов, дело по меньшевикам — до 1931 г. (10 томов), по монархистам — до 1932 г. (7 томов), по кадетам и анархистам — до 1928 г. (6 и 10 томов соответственно)⁵⁹. Подавление оппозиции стало одним из основных условий сохранения установленного в стране политического режима.

Примечания

- 1 Учредительное собрание. Россия, 1918 г. Стенограмма и другие документы. М., 1991. С. 61.
- 2 Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 335.
- 3 Ленин В. И. ПСС. Т. 11. С. 87.
- 4 Там же. Т. 32. С. 361.
- 5 Там же. Т. 34. С. 1.
- 6 Декреты Советской власти. Т. 1. С. 24.
- 7 Там же. С. 165 – 166.
- 8 Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 138.
- 9 Декреты Советской власти. Т. 1. С. 276–278.
- 10 Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 226.
- 11 См.: Мырзин Г. Е. Октябрь на Севере. М., 1967. С. 55–66; ВФ ГАВО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.
- 12 Грядущее. Орган Северной федерации анархистов-коммунистов. 1918. 24 апреля.
- 13 Архив УФСБ России по Вологодской области. Фонд следственных дел. Оп. 1. Д. П-5837. Л. 8.
- 14 Летопись города Архангельска, 1584–1989. Архангельск, 1990. С. 147.
- 15 Архив УФСБ России по Вологодской области. Фонд следственных дел. Оп. 1. Д. 6914.
- 16 ГАВологодО. Ф. 585. Оп. 2. Д. 13. Л. 203.
- 17 Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 534–537.
- 18 КГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 15–16.
- 19 Архив УФСБ России по Вологодской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 168. Л. 29.
- 20 ГАВологодО. Ф. 53. Оп. 1. Л. 27. Л. 160 об.
- 21 Северная Коммуна. 1918. 12 сентября.
- 22 ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 2. Л. 42, 62.
- 23 ВФ ГАВО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
- 24 Там же. Д. 2. Л. 41.
- 25 См.: Сорокин П. А. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1990. С. 125–127.
- 26 В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 164.
- 27 См.: Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. (Исторический очерк). М., 1975. С. 272, 295–296.
- 28 ВОАНПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 2. Л. 34–35.
- 29 Там же. Л. 36.
- 30 Известия Яренского уездного Совета. 1918. 25 января.
- 31 ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 2. Л. 62.
- 32 Там же.
- 33 Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК — ОГПУ. Сборник документов (1917–1926 гг.). М., 1977. С. 129.
- 34 Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 436.
- 35 Архив УФСБ России по Вологодской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Ч. 2. Л. 19.
- 36 ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 4. Д. 175. Л. 2; ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 4. Д. 6. Л. 13–23.

- 37 ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 6. Л. 331–333.
- 38 Отчет Архангельской губернской ЧК о деятельности за 1920 год. Архангельск, 1921. Типографский экземпляр. С. 29.
- 39 Архив УФСБ России по Вологодской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Ч. 3. Л. 30–31.
- 40 ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 6. Л. 331–333.
- 41 М. П. Панкратов принадлежал к группе «Народ», руководившей В. К. Вольским. Стронники Вольского составили «меньшинство ПСР», заявившее о признании Советской власти.
- 42 ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 4. Д. 175. Л. 20.
- 43 Там же. Оп. 5. Д. 80. Л. 32.
- 44 ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 3. Д. 45. Л. 100–102.
- 45 ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 4. Д. 175. Л. 22.
- 46 ВОАНПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 216. Л. 42, 51.
- 47 Справочник № 1 по антисоветским партиям. М., 1921.
- 48 ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 32. Л. 119–120, 200–201.
- 49 Архив УФСБ России по Архангельской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 26–29, 79; ВОАНПИ. Ф. 1 853. Оп. 5. Д. 5. Л. 134.
- 50 ВОАНПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 216. Л. 21.
- 51 Архив УФСБ России по Архангельской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 78.
- 52 ВОАНПИ. Ф. 1853. Оп. 5. Д. 14. Л. 48.
- 53 Там же. Л. 112.
- 54 Архив УФСБ России по Архангельской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 24, 42–43.
- 55 ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1268. Л. 52.
- 56 Архив УФСБ России по Вологодской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130.
- 57 ГА РФ. Ф. 1005. Оп. 1а. Д. 1339–1348. Верховный суд РСФСР. Процесс над правыми эсерами в 1922 году.
- 58 См.: Гусев К. В. Указ. соч. С. 366–367.
- 59 Архив УФСБ России по Вологодской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 168. Л. 29.

М. В. Михайлюк
Киев

Немецкая пропаганда на Украине (1941–1944)

Тематика проведения немецкой агитационно-пропагандистской деятельности в оккупированной Украине относится как в украинской, так и в зарубежной историографии к категории малоизученной по ряду причин, среди которых выделяется главная: засекреченность материалов (документов немецких оккупационных структур, советских спецслужб, оккупационной прессы) в архивохранилищах СССР. Только после распада Советского Союза большинство украинских центральных и областных архивов частично «открыли» свои фонды широкому кругу исследователей. Тем не менее, на современном этапе еще сохраняется проблема доступа отечественных исследователей к фондам оккупационного периода. В частности остаются малодоступными материалы ведомственных архивов Службы безопасности Украины, Министерства внутренних дел, Министерства обороны.

Зарубежным историкам, труды которых долгое время основывались на трофейных материалах архивохранилищ Польши, Германии, США, мемуарной литературе, сегодня стали более доступными документы украинских архивных учреждений. Но, несмотря на это, зарубежная историография продолжает уделять недостаточно внимания этой теме. На каком именно этапе находится ее ре-